

— Выражение лица, — я притворился, что не замечаю настороженности в его глазах. — Когда она вышла из твоих объятий, твое лицо изменилось. Она сказала нечто, что тебя сильно встревожило, настолько, что даже при виде меня ты не смог разгладить нахмуренные брови.

Чу Шэчжи поджал губы:

— Она сказала мне всего два слова: уходи быстрее.

— Вот оно что, — произнес я. — Похоже, она давно знала, что мы придем, и еще во время перепалки с Минцзюэ исподволь пыталась нас выпроводить... К тому же, когда она увидела приближающегося Маркиза, Усмиряющего Север, она, кажется, сильно испугалась.

Чу Шэчжи натянуто улыбнулся:

— Цзюцзянь видит суть вещей куда тоньше, чем я.

Я слегка покачал головой:

— Нет, просто ты хочешь увидеть слишком многое и из-за этого упускаешь самое важное.

За то время, что мы провели вдвоем, я наблюдал за ним достаточно долго. Чу Шэчжи — типичный повеса, одновременно влюбчивый и бессердечный. Однако к каждой из своих бывших возлюбленных он питал чувства, которые не были ни фальшивыми, ни легкомысленными. Он — холодный любовник, но после расставания остается надежным другом. Если кому-то из его бывших пассий нужна помощь, он обязательно сделает все, что в его силах. Тем более в такой ситуации, как у Чжао Цзинжоу.

В начале этого года на севере стало беспокойно: сюнну начали совершать набеги на приграничные земли. Три месяца назад премьер-министр Ло Шуюнь был обвинен в том, что его люди захватывали земли и доводили арендаторов до смерти. Всплыли и другие дела: двенадцатилетней давности подстава генерала, защищавшего государство, а также многолетние взятки и торговля государственными должностями. Император пришел в ярость, приговорив Ло Шуюня и всю его семью к немедленной казни, а также распространив наказание на три поколения родственников. Ров за пределами Шанцзина окрасился кровью. Местные чиновники дрожали от страха, границы оставались нестабильными, а сюнну, воспользовавшись случаем, разрушили северные рынки лошадей, перекрыли торговые пути и захватили три города — Юйлинь, Байчэн и Чжанье, выставив их как предмет торга.

Чиновники при дворе спорили бесконечно, решив подготовить два варианта действий. Государственная казна была пуста — хотя у семьи премьер-министра и конфисковали огромное состояние, эти средства еще не успели поступить в оборот, а времени на подготовку к войне катастрофически не хватало. В случае мирных переговоров сюнну требовали принцессу. У императора была лишь одна дочь, которая уже несколько лет была замужем. Все члены императорского рода в Шанцзине почуяли неладное: в течение месяца все, кто мог, поспешили обручиться или выйти замуж, а оставшиеся были лишь трех-четырёхлетними детьми. Тогда кто-то вспомнил о «своенравной» дочери Маркиза, Усмиряющего Север, достигшей брачного возраста. Предложили сначала пожаловать ей титул Сяньчжу, а после подтверждения мирных

переговоров — возвести в ранг принцессы. Никто не спрашивал мнения Чжао Цзинжоу. Ее поставили перед фактом, и когда чиновники прибыли в поместье Маркиза зачитывать указ, она беззаботно упражнялась с мечом в горах Эмэй. Этот указ принял сам Маркиз.

— Хочет ли господин выслушать мое мнение? — я вспомнил слова, сказанные Чжао Цзинжоу в адрес Чу Шэчжи.

Чу Шэчжи замер:

— Она сказала...

— Ранее я говорил, что госпожа Чжао сделала свой выбор и никто не может его заменить, но я не добавил главного, — медленно произнес я. — Если господин не хочет допустить гибели госпожи Чжао, он должен внедрить в ее свадебный кортеж нескольких людей, мастерски владеющих искусством легкого шага и маскировки.

Чу Шэчжи резко вскинул голову, мгновенно поняв, к чему я клоню:

— Ты хочешь сказать!

— Господин знает госпожу Чжао лучше меня, но именно поэтому он слишком самоуверен. Ты недооценил ее, — я сложил руки за спиной. — По тем немногим словам, что я услышал, я уже понял: она — свободолюбивая и решительная женщина-воин, не уступающая мужчинам, в чьем сердце живет долг перед страной. Как такой человек может смиренно принять навязанную судьбу?

Я понимал, что говорить такое человеку, с которым мы едва знакомы, — значит зайти слишком далеко и раскрыть некоторые свои секреты. Но та единственная слеза, упавшая из глаз той яркой женщины, глубоко врезалась мне в память и всколыхнула воспоминания, спрятанные в самой глубине души. Я не мог не высказаться:

— Хотя я и не могу похвастаться тем, что изучил все буддийские сутры, но, прочитав их немало, считаю, что немного разбираюсь в людях. Сегодня, когда госпожа Чжао приходила к господину, я понял: она уже готова к смерти.

— Думаю, она не хочет доставаться сюнну, а открытое неповиновение указу навлечет беду на отца и братьев. В отличие от обычных знатных девиц, она не беспомощна, много лет странствовала по миру, и хотя ее боевые навыки нельзя назвать выдающимися, убить одного человека с близкого расстояния для нее не составит труда. Если она убьет Великого хана сюнну в брачную ночь, это вызовет хаос в их рядах, что даст двору время, даже если начнется война. Так она исполнит сыновний долг и с честью послужит государству. Но сама она... вернуться уже не сможет.

Чу Шэчжи так сильно сжал кулаки под рукавами, что костяшки пальцев побелели:

— Я поговорю с ней. — Он глубоко вздохнул, постепенно успокаиваясь. — Благодарю за

наставление, иначе... я мог бы жалеть об этом всю жизнь.

— Тогда, полагаю, общее направление наших поисков определено, — он собрался с духом. — Во-первых, я помню, как ты говорил, что среди тех, кто производит и продает Порошок Высшего Блаженства такой высокой чистоты, обязательно есть кто-то высокопоставленный. Маркиз, Усмиряющий Север, подходит под это описание. Значит, выяснить, замешан ли он в делах с Порошком, — наша первоочередная задача.

— Во-вторых, реакция А-Жоу доказывает, что Маркиз заранее знал, что мы будем проезжать здесь. Наша встреча не была случайностью. Поэтому, даже если он не связан с Порошком, у него есть свои виды на нас. Я не считаю, что представляю такой уж большой интерес для маркиза с огромной армией, а твое имя, Цзюцзянь, он пока может не принимать в расчет. Значит, его цель — Малый ван. А причина этого — вторая вещь, которую нам нужно выяснить.

Мы встретились взглядами, без слов поняв, как разделим обязанности:

— Раз госпожа Чжао смогла предупредить нас, значит, она знает некоторые подробности. С ней будет работать господин Чу.

Чу Шэчжи улыбнулся, поднялся и сложил руки в приветственном жесте:

— Цзюцзянь разбирается в Порошке Высшего Блаженства куда лучше меня, к тому же у тебя есть свои тайные каналы связи. Первое дело я доверяю тебе.

Он все-таки не упустил случая поддеть меня, указав на мою уязвимость. Впрочем, меня это не задело:

— Удивительно, что господин Чу не спросил о моих источниках информации. В глазах других людей такой монах, как я, знающий о Порошке настолько хорошо, был бы первым подозреваемым.

Чу Шэчжи указал на мои тайные каналы не ради провокации. Если бы он действительно подозревал меня, то промолчал бы. Столь прямое замечание лишь означало: он знает, что у меня есть свои тайны, но уважает их.

— Я не стану подозревать своих друзей, — сказал Чу Шэчжи. — Но все же позволь уточнить: Цзюцзянь ведь тоже считает меня своим другом?

Я слегка приподнял бровь:

— А если я скажу, что нет?

Чу Шэчжи подпер подбородок рукой и задумался:

— Если бы не считал, ты не стал бы говорить мне все то, что сказал ранее.

Неверно, — ответил я про себя. Когда я анализировал мысли Чжао Цзинжоу, во мне кипел настоящий гнев. Для простого попутчика моя ярость была излишней. Я думал так: если он проявит недовольство моими словами, я буду воспринимать его лишь как партнера по делу. Но Чу Шэчжи не разочаровал меня.

— Раз господин так считает, пусть так и будет, — я повернулся к нему спиной. — Если не поторопимся, боюсь, Малый ван не выдержит.

Не видевшись с наставником много лет, Вэй Минцзюэ чувствовал себя несколько неловко:

— Как здоровье наставника и брата Жуйлиня все эти годы?

— Все хорошо. Спасибо, что присматривал за моей третьей дочерью, — Маркиз тяжело вздохнул. — После смерти матери у нее стал просто невыносимый характер. Годами не заглядывает домой, не любит весточки слать. Хорошо, что был ты, время от времени присылавший письма. Иначе, случись с ней что-нибудь, как бы я после смерти посмотрел в глаза ее матери?

При упоминании Чжао Цзинжоу Вэй Минцзюэ на мгновение замолчал:

— Я уже несколько месяцев не был в Шанцзине, новости доходят плохо. Неужели история с браком — правда?

Маркиз нахмурился:

— Официального указа о помолвке еще нет, но список подарков, составленный при пожаловании титула Сяньчжу... в общем, вопрос практически решен.

Вэй Минцзюэ с силой ударил по столу:

— Терпеть не могу этих бесхребетных! Война так война, неужели мы боимся этих дикарей? Наставник, давайте, пока нет официального указа, я сейчас же во весь опор помчусь во дворец просить дядю-императора!

— Я ценю твоё рвение, — Маркиз накрыл ладонью покрасневшую от удара руку Вэй Минцзюэ. — Твой отец и принцесса были правы, не допуская тебя к государственным делам. Твой характер... Эх, времена меняются. Сегодня на плахе лежит Ло Шуюнь, а чья голова полетит завтра?

Вэй Минцзюэ охватила тоска. Дядя-император всегда был к нему добр, мягче, чем к родным сыновьям. Но, родившись в императорской семье, как он мог не понимать скрытых течений и расчетов? Его нынешнее положение куплено ценой отказа от военной власти, оставленной отцом. Брачный союз — дело государственной важности. Если он опрометчиво вмешается, не говоря уже о том, будет ли от этого толк, его образ в глазах дяди будет разрушен. Он много лет притворялся повесой, и все его почести держались на императорской милости. Лишись он этого доверия, и они с матерью не смогли бы и шагу ступить.

— Простите, наставник, я не могу вам помочь, — удрученно произнес Вэй Минцзюэ. — Честно говоря, в последние годы мысли императора все труднее разгадать. Когда я в последний раз был в Шанцзине, третий принц с гордостью хвастался своими жалкими картинами, а теперь император его...

— Дело императрицы Ли и шестого принца всегда было занозой в сердце Его Величества. Я служу императору с девятнадцати лет и знаю, как тяжело ему пришлось до того, как он занял этот трон. Императрица Ли была его самой любимой женщиной. Он думал, что сможет защитить ее, но хотя он смог низложить императрицу Го, он не смог одолеть всех амбициозных людей при дворе и в гареме. Если появление одного человека перечеркивает надежды всех остальных, то все приложат усилия, чтобы его уничтожить, — Маркиз погладил бороду. — Так было с императрицей Ли тогда, так происходит и с шестым принцем, скитающимся ныне в изгнании.

Сердце Вэй Минцзюэ забилося чаще. Рука, лежащая в руке Маркиза, стала ледяной. Что означают эти слова? Неужели... Даже при таких мыслях он все еще питал надежду на наставника, обучавшего его боевым искусствам с детства:

— Вряд ли, наставник? Даже если дядя-император действительно любит шестого принца и хочет сделать его наследником, он не появлялся двенадцать лет. Никто даже не знает, где он и как выглядит. Чиновники и родственники императора не согласятся.

Что именно наставник пытается сказать ему? Неужели он уже выбрал сторону в этой борьбе за престол?

— Но я подозреваю, что все те годы, пока шестой принц отсутствовал, Его Величество не прекращал его готовить, — в узких глазах Маркиза сверкнул блеск, от которого по спине Вэй Минцзюэ пробежал холод. — Необоснованную благосклонность императора выдержит не каждый.

Голос Вэй Минцзюэ дрожал, чего он сам не заметил. Он медленно, но решительно высвободил руку:

— Наставник, я не понимаю, чего вы добиваетесь, говоря мне все это сегодня?

<http://bllate.org/book/22245/2325289>